

Н.М. ПЛИСКЕВИЧ

Модернизация в России и Китае: стартовые условия и специфика государства

В статье анализируются проблемы модернизации России и Китая. Автор акцентирует внимание на особенностях стартовых условий начала реформ в двух странах, а также проблеме “сильного государства”, способного проводить необходимые преобразования.

Ключевые слова: Россия, Китай, модернизация, реформы, государственное регулирование.

The article analyzes the problems of modernization of Russia and China. The author focuses on the specifics of starting conditions of the reforms in two countries as well as the problem of a “strong state” that can perform the necessary transformations.

Keywords: Russia, China, modernization, reform, government regulation.

Последние два десятилетия социально-экономического развития России и Китая не раз становилось предметом научного анализа. У всех перед глазами бурный прогресс китайской экономики, по общему объему уже вышедшей на второе место в мире, с одной стороны, и тяжелейшие реформы (и их блокирование), которые сопровождалась глубоким падением производства и вылились в итоге в утверждение сырьевой модели экономики – с другой. Причем обе страны преобразуют изначальную социалистическую модель развития, но итоги этого преобразования столь разительно отличаются, что естественно желание объяснить их как просчетами российских реформаторов, так и мудростью и расчетливостью их китайских коллег, что и делает А. Кива [Кива, 2014], приводя в своей статье аргументы, типичные для сторонников китайского варианта реформ.

Кива справедливо отмечает, что для корректности сравнений необходимо оценить стартовые условия реформ двух стран, и утверждает, что эти стартовые условия были несравненно благоприятнее у России, чей ВВП был вдвое выше китайского и «не было развала экономики, науки и социальной сферы, как это произошло в годы “культурной революции”, когда большая часть китайцев оказалась в глубокой нищете». Разумеется, если сводить все социально-экономическое развитие к уровню ВВП, то исходные позиции России образца середины – конца 1980-х гг. выглядят существенно более предпочтительно. Однако суть разворачивающихся и тут, и там процессов состоит в необходимости глубокой модернизации всей социально-экономической системы в соответствии с требованиями современного этапа развития производительных сил, встраивании ее в общую структуру глобальной экономики. При решении этой задачи уровень ВВП является пусть и очень важным, но производным от других факторов показателем. И здесь, на мой взгляд, проблемы, с которыми столкнулась Россия, оказа-

лись гораздо более сложными, нежели те, с которыми пришлось бороться китайскому руководству. Поэтому тезис о стартовых преимуществах России перед Китаем можно оспорить.

Суть модернизации состоит в переходе от преимущественно аграрного производства к преимущественно индустриальному, а затем и к постиндустриальной, информационной экономике и соответственно организованному обществу. Чем выше степень модернизованности экономики и общества той или иной страны, тем более настоятельна для нее потребность встраивания в глобальные экономические процессы. Попытка же модернизации страны, опирающаяся исключительно на внутренние ресурсы, даже для наиболее крупных государств (в иных без существенной политической обусловленной подпитки извне это просто невозможно) достаточно быстро упирается в исчерпание собственного потенциала. Особенно если такое отгораживание от остального мира сопряжено с гигантскими затратами на военные нужды как гарантию от возможной агрессии. Источником такого типа модернизации может быть только жесткая эксплуатация рентных ресурсов либо природного происхождения, либо извлекаемая с помощью неэквивалентного обмена из аграрного сектора, равно как и с помощью минимизации расходов по оплате труда. И сама модернизация в таком случае может осуществляться только мобилизационными средствами, способными воспринять технические аспекты инноваций, но игнорирующими социокультурный аспект преобразований. В таком случае часто происходит даже усугубление социокультурных проблем, ибо те, кто претворяют в жизнь мобилизационные методы, как правило, стремятся поддерживать их устоявшимися традиционалистскими кодами.

Не углубляясь в специфику китайского социалистического строительства эпохи Мао Цзэдуна, отмечу лишь, что итогом мобилизации по-китайски стал провал экономики, из которого предстояло выбираться Дэн Сяопину. Но делать это надо было в стране по преимуществу аграрной, в минимальной степени обремененной искаженным мобилизационным перекосом промышленным производством и связанными с этим перекосом социальными проблемами. По сути, тут сложилась ситуация, похожая на ту, которая была в нашей стране на излете НЭПа. Но тогда по политическим мотивам был выбран мобилизационный вариант развития, и он породил не только успехи индустриализации, но и их побочные эффекты и проблемы, с которыми через несколько десятилетий столкнулась страна.

Стремление мобилизовать все силы на решение поставленной задачи индустриального рывка, подкрепляемое сосредоточением собственности на все средства производства и пренебрежением требованием товарно-денежных отношений, обусловило и специфический подход к оценке различных факторов производства – сырья, энергии, трудовых ресурсов. Такой подход представлялся целесообразным, так как позволял руководству манипулировать рентными доходами от природных богатств и минимизировать общие затраты на рабочую силу. Результатом стали заниженные внутренние цены на все природные компоненты производства, начиная с разного вида сырья и энергии и кончая водой. Это привело к чрезмерно расточительному расходованию данных элементов производства, и в итоге все попытки бороться за снижение “энергоёмкости” или “фондоёмкости” продукции ни к чему не приводили. К тому же плановые задания, спускаемые предприятиям в натуральных показателях, подталкивали как раз к чрезмерному расходованию сырья на единицу изделия.

Кроме того, плановая система, основанная на отчетах “по валу” – особенно на поздних этапах социалистического строительства, вступала в резкое противоречие с тенденциями научно-технического прогресса. Ведь для того, чтобы переоборудовать тот или иной цех или завод, надо было на какое-то время останавливать производство, а значит – срывать выполнение плановых заданий “по валу”. Это стало серьезной проблемой уже в 1970-е гг., когда в странах Запада шли интенсивные процессы технологического обновления производств. Ученые Института экономики АН СССР тогда предлагали, в частности, сделать “план по научно-техническому обновлению”

таким же строгим директивным показателем, как “план по валу”. Иного пути заставить директоров внедрять технические новинки они не видели, а внутренние стимулы к изменениям у директорского корпуса отсутствовали. Так что при оценке индустриальной мощи СССР конца 1980-х гг. надо учитывать, что многие из составляющих ее предприятий были технически устаревшими, а значит, не способными выстоять в конкурентной борьбе в случае открытия отечественной экономики.

Помимо занижения цен на сырье и энергоносители советская экономика в целях мобилизации ресурсов на принятых руководством направлениях стремилась добиться экономии и на трудовых ресурсах. Этот аспект конструкции советской социально-экономической системы не был учтен реформаторами. Дело в том, что процессы индустриализации, в основе которых была монополия государства практически на все средства производства, резко изменили социальную структуру населения. У подавляющего большинства единственным источником средств существования была заработная плата. При этом государство заняло позицию монополиста-работодателя. По природе своей нацеленная на максимально возможное перераспределение ресурсов в пользу избранных идеолого-политических приоритетов, данная конструкция покоилась на “системе низких зарплат”, позволяющей в целом минимизировать расходы на поддержание трудовых ресурсов страны. Система эта включала в себя четыре компонента: собственно заработную плату; общегосударственные формы социальной поддержки, за счет которых финансировались образование, здравоохранение, значительная часть расходов на ЖКХ, транспорт и т. п.; ведомственные фонды поддержки работников (ведомственное медицинское обслуживание, собственные санатории, дома отдыха, детские учреждения, жилье и т. п.); дотации на сельскохозяйственную продукцию, позволяющие поддерживать низкие цены на продовольствие (подробнее см. [Плискевич, 2009; 2010]).

В целом эта система позволяла большинству населения поддерживать пусть и невысокий, но достаточно стабильный уровень жизни, давая общественно приемлемые социальные гарантии. При этом она была достаточно гибкой. При возникновении проблем в каком-то одном из ее компонентов общая стабильность балансировалась за счет перенесения нагрузки на другие компоненты. Например, когда уже в 1960-е гг. стала очевидной невозможность удержать цены на продовольствие на прежнем уровне, их повышение стало балансироваться за счет роста оплаты труда, осуществлявшегося прежде всего в виде “материального стимулирования” в рамках “косыгинской реформы”. Недостатки общегосударственных социальных институтов компенсировались развитием ведомственной социальной сети, в первую очередь в приоритетных с идеологической и экономической точек зрения сферах. Начинаясь в 1990-е гг. реформы, призванные покончить с советской социально-экономической системой, обрушили эту модель. Под ударом оказались сразу все четыре ее компонента, а компенсаторного механизма предложено не было.

Такую ситуацию можно признать не более, а менее благоприятной по сравнению с китайской. Действительно, в нашей стране был существенно выше уровень жизни населения, чем в Китае, и оно было образованнее, обладало гораздо более высокой квалификацией, нежели по преимуществу представители аграрного сектора Китая. Однако в условиях начала реформ, когда вдруг выяснилось, что многие предприятия экономически не рентабельны, а старые квалификации и обретенные при работе в предыдущей системе знания, оказались невостребованными, это обернулось тяжелыми, даже трагическими испытаниями для миллионов людей, привыкших к пусть невысокому, но стабильному уровню социальной защиты. К тому же вся социальная система советского периода, выстроенная как элемент общей “системы низких зарплат”, по природе своей не приспособлена к функционированию в новых условиях. Отсюда и постоянные неудачи при попытках перестроить ее на рыночный лад.

На мой взгляд, эта исходная ситуация реформ гораздо сложнее, нежели та, что сложилась в Китае, где большинство населения оставалось сельским, в повседневной жизни близким к самообеспечению на основе натурального хозяйства. К тому же

первые шаги Дэн Сяопина, освободившие крестьян от жесткой регламентации работы в маозздуновских “коммунах”, сразу дали и реальные экономические результаты и способствовали созданию благоприятного социального климата для продолжения реформ. Тот факт, что Китай 1980-х гг. оставался к началу модернизационных преобразований преимущественно аграрной страной, с одной стороны, обуславливал низкие стартовые показатели начала реформ, но с другой – избавлял от многих проблем, связанных с перекосами мобилизационного индустриального развития. Необходимость их исправления, не только в технологическом и экономическом, но и в социальном плане ставила серьезные преграды к открытию экономики как важнейшего фактора современной модернизации.

По сути, модель мобилизационной индустриальной модернизации в СССР исчерпала себя уже к началу 1960-х гг. Важным сигналом к тому были и падение темпов развития, и, главное, невозможность прокормить население страны за счет внутренних ресурсов. Но резкий взлет мировых цен на нефть, совпавший с началом разработки крупных сибирских месторождений, позволил разрешить эту кризисную ситуацию за счет частичного открытия экономики. Нефтедоллары, получаемые за экспортируемую нефть, дали возможность осуществлять на Западе крупные закупки зерна, а также остро недостающих продовольственных и непродовольственных “товаров народного потребления”. Это, с одной стороны, позволило затыкать бреши, постоянно возникающие то тут, то там на дефицитном потребительском рынке, но с другой – создало ситуацию, когда все большие объемы внутренних ресурсов направлялись на развитие “приоритетных отраслей”, прежде всего ВПК. В результате к концу 1980-х гг. страна оказалась с беспрецедентно перекошенной структурой экономики, не способной за счет внутренних ресурсов обеспечить достаточно скромные потребности населения. Так, в 1986 г. доля производства предметов потребления в промышленном производстве составляла всего 24,7%, а 75,3% приходилась на долю средств производства (причем в этом показателе была спрятана важнейшая часть промышленного производства страны – вооружения). Замечу, что в 1940-м г., когда СССР усиленно готовился к войне, эти показатели соотносились как 39% к 61% [Народное... 1988, с. 84].

Таким образом, в том, что касается исходных условий, к началу модернизационных процессов Китай подошел с по сути аграрной экономикой и полуразрушенной в результате маоистских экспериментов типа “большого скачка” или “культурной революции” промышленностью. В этой ситуации “охранять” имеющийся промышленный потенциал не было смысла, и руководство страны взяло курс на открытость экономики, включение ее в глобальную экономическую систему, где предстояло найти свою нишу и выстоять в международной конкурентной борьбе. Само название первоначальной программы “Реформы и открытость” предполагало ставку на тесное сотрудничество с иностранным капиталом, создание условий для привлечения его в страну, способную предложить более низкие, нежели в других местах, издержки производства, прежде всего на рабочую силу и экологию.

Так Китай вошел в мировую экономическую систему, что имеет для современной модернизации первостепенное значение, и сделал ставку на использование своих конкурентных преимуществ. Типичные для коммунистических государств автаркические приоритеты были отброшены. Разумеется, тут сыграли свою роль и размеры страны, и численность ее армии, и владение ядерным оружием. Поэтому Дэн Сяопин и его соратники могли сосредоточиться на широком развитии гражданского производства с привлечением в страну иностранного капитала, на деле претворяя в жизнь принципы открытости экономики, где главную роль играл успех в международной конкурентной борьбе.

Нельзя не признать мудрость этой стратегии, но надо также видеть, что принятию такого решения способствовало и отсутствие многих ограничений, обусловленных экономическими и социальными проблемами мощной индустрии, выстроенной по мобилизационному принципу в условиях закрытой экономики. Этот тренд китайской экономической политики получает поддержку и в работах китайских ученых, по сути

отождествляющих модернизационные процессы с процессами международной конкуренции. Так, профессор Хэ Чуаньци, разработавший систему индикаторов, с помощью которой он замеряет уровни модернизации экономики в 131 стране, прямо указывает, что “модернизация – форма международной конкуренции, в ходе которой различные страны стремятся достичь высокого уровня мирового развития, удержать и развивать их”. Он подчеркивает, что “развитие стран и народов не может происходить без учета международной конкуренции и ресурсов”, что “всемирная модернизация является международным соревнованием, участницей которого становится каждая страна, начинающая этот процесс” [Обзорный... 2011, с. 76, 114, 50] (см. также [Плискевич, 2013]).

Вся политика Китая последних десятилетий свидетельствует, что такой подход – отнюдь не умозрительное построение ученых. Это стержень целенаправленной деятельности, в которой и китайское руководство, и предприниматели с азартом участвуют. Ученые же дают этой политике обоснование. В частности, в начале доклада 2005 г. об экономической модернизации говорится: “Поскольку в разных странах ситуация со временем изменялась, периодически смещался и мировой экономический центр. Фактически экономическая модернизация является одновременно глобальной революцией в экономике и всемирным экономическим соревнованием. Страны здесь являются основными конкурирующими единицами” [Обзорный... 2011, с. 118].

Можно сказать, что экономические успехи Китая обусловлены прежде всего тем, что страна активно включилась в международную конкуренцию, сделав главную ставку на открытие своей экономики, создав условия наибольшего благоприятствования для иностранного капитала. И это дало свой результат, выразившийся сегодня в том, что по своим объемам китайская экономика вышла на второе место в мире. Правда, нельзя забывать и о социальных, и об институциональных проблемах, накапливающихся по мере того, как экономические аспекты модернизационных процессов обгоняют не поспевающие за ними институциональные и социальные процессы. Серьезной проблемой остается и региональная неоднородность модернизации по-китайски, в результате которой, как отмечает тот же Хэ Чуаньци, в стране существуют регионы, не только успешно осуществляющие вторичную, информационную модернизацию, но и целые провинции, не приступившие еще к модернизации первичной, индустриальной. Мы же обычно оцениваем успехи Китая, глядя на наиболее продвинутые в модернизационном плане регионы. Однако все эти проблемы отступают на задний план перед лицом правильного магистрального выбора, сделанного китайским руководством еще в конце 1970-х гг., – выбора в пользу открытия своей экономики.

Такого выбора как последовательной экономической стратегии не было сделано Россией, несмотря на всю либеральную риторику, сопровождавшую наши реформы. И у такой позиции были свои причины, обусловленные в первую очередь стартовыми условиями начала 1990-х гг. Ведь огромные структурные деформации советской экономики – не просто технологическая проблема. Это еще и тяжелейшая социально-экономическая проблема, ибо реформаторы получили в наследство от СССР не просто огромный пласт неконкурентоспособного промышленного производства, но и связанных с ним миллионов людей, у которых не было иного источника средств к существованию, кроме получаемой ими заработной платы. Это сразу же породило массу социальных конфликтов и политическое сопротивление реформам, объективно предполагавших открытие отечественной экономики миру. Отсюда – их изначальная непоследовательность и попытки сочетания мер по открытию экономики с требованиями “защиты отечественного производителя”.

Однако тут надо заметить, что сам термин “отечественный производитель” предполагает разные толкования, не говоря уже о том, чем в глобальной экономике отличается “свой” производитель от “чужого”. Например, как характеризовать предприятие, дающее рабочие места местному населению, выпускающее продукцию, востребованную внутри страны или продающуюся на экспорт, но принадлежащее иностранному капиталу? То есть “отечественный производитель” – весьма расплывчатое понятие.

Это может быть и современное производство (как в государственной, так и в частной собственности), и предприятия, собственником которого в той или иной степени выступает иностранный капитал, и крайне отсталое производство, не способное выдержать даже внутреннюю конкуренцию, но поддерживаемое государством по политическим либо каким-то иным мотивам, включая коррупционные (см., в частности, [Цедилин, 2013]).

В наших условиях требования “защиты отечественного производителя” с первых дней реформ активно политически лоббировались представителями старого директорского корпуса, ставшими в итоге приватизации *de facto* владельцами управляемых ими предприятий. Свои требования они подкрепляли угрозами со стороны стоящих за ними огромных трудовых коллективов, чей жизненный уровень резко упал с началом реформ. Так что требования “защиты отечественного производителя” с самого начала реформ стали важнейшим компонентом экономической политики правительства, входящими по сути своей в противоречие с основной линией на открытость экономики, стимулирующими и без того господствующие в стране тенденции монополизма.

В целом же политика “защиты отечественного производителя” вылилась у нас в поддержку той институциональной среды, которая воспроизводит монополизм внутри страны и требует ограждения устоявшихся порядков от внешних воздействий. В этом качественное отличие российской политики реформ от китайской. Можно объяснить ее проблемами, связанными со стартовыми условиями реформ. Но нельзя не признать и того, что в России не был найден тот баланс, который помог бы на первых этапах реформ переоснащению отечественного производства и поддержке связанных с этим процессом людей и в то же время не мешал встраиванию отечественной экономики в глобальную не только в ее сырьевом секторе, но и в целом.

Возможно, этот баланс было бы легче найти, если бы реформы в нашей стране осуществляло сильное государство, то есть государство, обеспечивающее четкое соблюдение правопорядка на всей территории страны, неукоснительное следование требованиям закона всех граждан вне зависимости от их социального статуса, а также способное применить санкции к любым нарушителям закона. Однако в нашей ситуации опоры у реформаторов на инструменты такого государства не было. Причем ослабление государства началось отнюдь не в последние годы существования, а затем и распада СССР, а значительно раньше. Можно сказать, что уже самые первые попытки “подправить” мобилизационную закрытую экономику с помощью дозированного внедрения противоречащих ее сути принципов, заимствованных из рыночной экономики, начиная с “косыгинских реформ” с их системой “материального стимулирования” и т.п., подтачивали выстроенные ранее государственные конструкции. Немаловажным было и ослабление после смерти И. Сталина такого важного элемента этих конструкций, как страх.

В результате к 1980-м гг. в стране сложилась так называемая “экономика бюрократического торга” (С. Кордонский, В. Найшуль), что свидетельствовало об ослаблении жестких государственных рычагов и нарастании чиновничьего произвола. Все это усугублялось и тем, что к тому времени теневые экономические отношения, стихийно возникшие из потребности обслуживания нужд населения, которыми официальная экономика, с одной стороны, пренебрегала, а с другой – была постоянным источником наличных денежных средств, выплачиваемых населению в виде зарплат, пенсий, пособий и т.п. Они в 1970–1980-е гг. выросли уже до такой степени, что могли обеспечивать постоянный платежеспособный спрос населения для “теневой экономики”. Эта часть экономики не контролировалась государством, но обрела самостоятельную силу. В таких условиях наше государство как до распада СССР, так и после оставалось слабым, хотя и большим, громоздким, создающим все новые и новые подразделения для решения новых задач, но плохо справлявшимся со своими обязанностями.

Можно предположить, что чем дольше оттягиваются назревшие процессы модернизации, тем больше слабеет государство, стремящееся отсрочить этот процесс разного рода полумерами. Важно и то, что одновременно в нем формируются различные

распределительные коалиции, которые начинают действовать в своих интересах, но от имени государства (см., например, [Олсон, 2012; Макашева, Якобсон, 1996]). В результате государство, призванное находиться *над* рынком, быть третейским судьей в спорах субъектов рыночных отношений, формировать общие для всех правила, формулировать экономическую политику в интересах всего общества, само включается в рыночные отношения на стороне тех или иных его участников. А это означает резкое ослабление государства как института.

В условиях же начавшихся реформ такая ситуация становится особенно опасной, так как ею могут воспользоваться те, кто получили выгоду от промежуточных результатов реформ и стремятся закрепить это положение недореформирования, выгодное для них, но крайне болезненное для всего общества. Например, И. Бусыгина и М. Филиппов констатируют, что в таких ситуациях у политиков “появляются стимулы в той или иной степени свернуть реформы – либо замедляя экономические и институциональные реформы, либо проводя непоследовательные реформы, которые приносят выгоды производителям за счет зависимых от государственной поддержки групп населения” [Бусыгина, Филиппов, 2012, с. 162].

Между тем наличие сильного государства – важнейший фактор успеха реформ. Так, В. Полтерович отмечает: **«В период проведения реформы роль государства увеличивается. В частности, эффективная модернизация требует укрепления государства (“ортодоксальный парадокс”)»**. Ученый подчеркивает, что во всех странах, «добившихся быстрого долговременного роста, он был инициирован жесткими политическими режимами, достаточно сильными и устойчивыми для того, чтобы не следовать “модным” рецептам экономической политики, подавить избыточную перераспределительную активность и вместе с тем допустить становление гражданского общества. Каждая из этих стран сумела найти нестандартные институциональные формы, послужившие мотором развития на начальных этапах и опиравшиеся на особенности национальной культуры» [Полтерович, 2007, с. 425, 283].

Очевидно, что именно слабость сначала советского, а потом уже российского государства (а оно, как считают многие исследователи, остается слабым, несмотря на все усилия по построению “вертикали власти”), стала причиной того, что страна так и не смогла создать условия для полноценного включения в глобальную экономику. По-прежнему действуют и формальные, и, особенно, неформальные правила, ограничивающие как внутреннюю, так и международную конкуренцию, поощряются монополистические тенденции, провоцируемые различными околоставными группировками, распределительными коалициями. То есть мы до сих пор не можем прежде всего по политическим причинам сделать важнейший шаг на пути модернизации, который принес успех Китаю уже три десятилетия назад, – открыть свою экономику, создать условия для притока иностранного капитала, разрушить бюрократические преграды на пути отечественных предпринимателей, особенно занятых в инновационной сфере и не связанных с монополизировавшими государственные финансовые потоки распределительными коалициями. Наше государство как институт по-прежнему слишком слабо, чтобы противостоять им. И думается, Китай именно в данной области преподал нам важный урок реформирования.

В целом же, несмотря на все сложности и ошибки, и Россия, и Китай проходят свои пути модернизации. По расчетам Хэ Чуаньци, оперировавшего данными 2006 г., уровень интегрированной модернизации Китая составил 38%, что вывело страну на 75-е место среди 131 сравниваемых стран. Россия же с показателем 59% заняла 37-е место [Обзорный... 2011]. Группа российских ученых под руководством Н. Лапина по той же методике замеряла данные России 2010 г. Согласно их подсчетам, за 2006–2010 гг. интегральный индекс модернизации России вырос до 66%. Однако из-за более медленного развития, нежели в других странах, она смогла подняться в общем рейтинге лишь на одну ступень (с 37-го на 36-е место) [Проблемы... 2013, с. 19]. При этом авторы отмечают тормозящее влияние многих институциональных особенностей нашей социально-экономической системы, нередко достигающих уровня социокуль-

турной дисфункциональности, превращающей модернизацию в псевдомодернизацию [Проблемы... 2013, с. 25].

Свои проблемы есть и у Китая. Особо опасными ученые считают нарастание в стране социальных антагонизмов, прежде всего углубление пропасти между городом и деревней [Лин, 2013, с. 286]. Кроме того, новые условия требуют от Китая смены прежней парадигмы роста, основанной на массивном экспорте дешевой продукции, что достигалось благодаря низким издержкам на оплату труда и охрану природы. Есть и масса других проблем, но, представляется, что универсальный совет по их решению содержится в словах китайского ученого Дж.И. Лина: "...интеллектуалы в Китае и в других развивающихся экономиках должны стремиться к более глубокому пониманию своих стран во всех аспектах, включая экономические, политические и прочие социальные измерения. Только обладая этими знаниями, ученые смогут собрать теоретический каркас, в который впишутся природа, вызовы и возможность модернизации в их странах" [Лин, 2013, с. 17].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бусыгина И., Филиппов М. Политическая модернизация государства в России: необходимость, направления, издержки, риски. М., 2012.

Кива А.В. Модели китайских и российских реформ: в чем коренное отличие // *Общественные науки и современность.* 2014. № 6.

Лин Дж.Й. Демистификация китайской экономики. М., 2013.

Макашева Н.А., Якобсон Л.И. Распределительные коалиции в постсоциалистической России // *Общественные науки и современность.* 1996. № 1.

Народное хозяйство СССР в 1987 году. Статистический ежегодник. М., 1988.

Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010). М., 2011.

Олсон М. Власть и процветание. Перерастая коммунистические и капиталистические диктатуры. М., 2012.

Плискевич Н.М. Модернизация глазами китайских ученых-социологов // *Экономическая наука современной России.* 2013. № 1.

Плискевич Н.М. Система низких зарплат – институциональная ловушка // *Социальная политика в контексте "нормативной теории государства"*. М., 2009.

Плискевич Н.М. "Система низких зарплат" – институциональная ловушка постсоциалистической экономики // *Журнал Новой экономической ассоциации.* 2010. № 5.

Полтерович В.М. Элементы теории реформ. М., 2007.

Проблемы социокультурной модернизации регионов России. М., 2013.

Цедилин Л.И. Протекционизм в российской экономической политике: институциональный исторический опыт. М., 2013.

© Н. Плискевич, 2014